

К ВОПРОСУ КОННОТАТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Тагарова Т.Б.*

Лингвокультурология, как дисциплина, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, сосредоточивает свои исследования и на образных фразеологических единицах (ФЕ) языка. Именно система образов, закрепленных в языковой семантике, является зоной сосредоточения культурной информации в языке. В развитие отечественных исследований о взаимовлиянии культуры и языка большой вклад внесли труды Арутюновой Н.Д., Масловой В.А., Опариной Е.О., Телия В.Н., Ковшовой М.Л., Черданцевой Т.З. и др. Монгольское языкознание находится на подступах к развитию этого направления, здесь можно отметить Ж. Баянсана, автора монографии о фразеологии в лингвокультурологическом аспекте (2002). Таким образом, в связи с недостаточной разработанностью, актуальность данной проблематики для монголоведения не вызывает сомнения. Как известно, культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка как через культурные семы, культурный фон, культурные концепты, так и коннотации. Культурная коннотация в отечественном языкознании понимается как «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры»¹. Термин «культурная коннотация» закреплен за образными языковыми знаками. Культура проникает в них через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов с эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной лингвокультурной общностью. Поскольку образные основания так или иначе связаны с духовной, социальной и материальной типами культуры, система образов, закрепленных в фразеологических единицах языка, аккумулирует мировидение. Так, в ФЕ *газар дуулаг* букв. земля пусть услышит – земля пусть будет свидетелем \approx ‘бог видит’ на верхнем уровне семантики находится информация ‘земля представлена так, как если бы это был человек, который способен слушать’. Культурная коннотация выявляется через соотнесение обоих компонентов ФЕ и его идиоматичного смысла со знаками культуры. По религиозным воззрениям,

* Иркутск

¹) Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. -с. 214

земля - живое существо, и этот смысл эксплицирован в общем направлении метафоризации предиката: слушать может живое существо.

См. контекст: «*Энэ хэлээн үгемни дээрэ байһан тэнгэри, доро байһан газар дуулаг! – гэжэ хэлээд, мойһон харахан нюдээ уһатуулан, харанхалжа, газар тэбэрин дахин унашана*» - Эти сказанные мной слова пусть услышит небо над нами, земля под нами! – сказав так, со слезами в черных, подобно черемухе глазах, упала без чувств на землю². Ср.: *газар дуулаг, гахай шагнаг* букв. пусть земля услышит, свинья услышит – никто не должен узнать, услышать о предмете речи; *газар шэхэтэй, гахай хоншоортой* букв. у земли есть уши, у свиньи есть морда ≈ и у стен есть уши и т.д. Таким образом, «культурная коннотация» является единицей семиотической: она является связующим звеном между разными предметными областями и их семиотическими системами - языком и культурой. Через коннотации культура хранится в языке и через него, в свою очередь, транслируется из поколения в поколение, а ФЕ таким образом выполняют коннотативно-культурологическую функцию. Культурная коннотация воплощается в определенном пласте языка, а именно в образно мотивированных ФЕ. Коннотация локализуется в образных основаниях этих единиц. В этом смысле культурная коннотация может быть названа знаковой категорией. Владение культурной коннотацией, т.е. умение интерпретировать образно мотивированные единицы языка через соотнесение их с категориями культуры формирует культурно-языковую компетенцию носителя языка. Формирование культурно-языковой компетенции основано на освоении носителем языка культуры через ее тексты - мифы, сказки и предания, религиозные и художественные тексты. Так, например, в культурной коннотации бурятской междоментной ФЕ *шүдхэр абаг* отображено поверье о том, что душу человека может забрать нечистая сила. Или *алдаһан хүн арбан нүгэлтэй* букв. потерявший с десятью грехами также отражает религиозное положение, которое сводится к тому, что за грехи придется держать ответ. К языковым источникам культурной коннотации относится также паремиологический фонд языка, поскольку большинство пословиц представляют собой стереотипы народного самосознания. Например, *гарынь ганзагада, хүлынь дүрөөдэ хүргэхэ* букв. руки до тороков, ноги до стремян довести – воспитать ребенка, поставить на ноги; *хүн ахатай, дэгэл захатай* букв. у человека должен быть старший, у дэгэла – ворот; *эрын яһан хээрэ* букв. кости мужчины в степи – мужчина всегда в пути, в поисках и т.д. Это также характерные для данной лингвокультурной общности слова-символы, замещающие в языке те или иные идеи (*гар* рука - символ власти), или устойчивые сравнения, содержащие в себе систему образов-эталонов повседневной картины мира (*ямаан омог* букв. гордость козы – чувство гордости у кого-либо по незначительному случаю, *үтэтэй ямаан шэнги* как червивая коза; *ургы дахаһан ямаан шэнги* как коза, почуявшая подснежник - о непоседливом человеке ≈ сидеть как на иголках). Помимо умения найти релевантные для каждого конкретного случая источники интерпретации знаков языка в категориях культуры, культурно-языковая компетенция предполагает умение идентифицировать культурно маркированные ФЕ как элементы определенных коллективных речевых стратегий. Среди ФЕ множество таких, которые возникают или регулярно воспроизводятся в определенном типе дискурса («дискурс» - родовой термин, объединяющий все виды использования языка, близок по смыслу к понятию «текст»),

²⁾ Х. Намсараев. Үүрэй толон. – Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1990. -379 с.

однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения, коммуникативный акт)³. Например, *нирваандаа ошохо, замбида төөрихэ, бурханай мэдэлэй* - в религиозном, *түрүүшын дуран* первая любовь, *сэдьхэлэй гуниг* элегическая грусть - в литературном, *ништын хүдэлмэри* общественная работа, *социалис мұрысөөн* социалистическое соревнование, *партиин шэглэл* направление партии, *интернациональна үүргэ дүүргэхэ* выполнять интернациональный долг - в дискурсе советской партийно-государственной и военной машины, *сагһаа урид нүгшэбэ* преждевременно скончался – в дискурсе официального некролога и т.д. Данные ФЕ могут служить маркерами, включающими текст, в котором они фигурируют, в тот или иной дискурс, воплощающий в себе коллективное лингвокультурное сознание. Среди ФЕ существует и ряд клише обыденной речи, кодирующих для носителей языка «голос здравого смысла», как, например, *ямар хуби заяагаар* какими судьбами, *хуби заяандаа бү гомодоё* не будем обижаться на судьбу, *залхуудаа дшилдээ* ≈ лень-матушка заедает и т.д. Эти формулы обыденной речи используются с определенными интенциями в определенных речевых актах для выражения удивления при неожиданной встрече, укора за необоснованные жалобы, саморазоблачения и т.д. В разных языках есть свой «инвентарь» экспрессивных метафор, характеризующих человека через аллюзию к животным, причем содержание образов в разных национальных языках и ареалах культуры значительно различается, хотя может и частично совпадать. Например, для носителей монгольских языков *тэмээн* верблюд коннотирует свойства глупости и глупого упрямства, что получает воплощение не только в предикативной функции экспрессивной метафоры (высказывания типа *гооногор тэмээн* верблюд высокомерный, о важничавшем без оснований человеке), но также и в ФЕ, как, например, *һуулишын тэмээн хүндэтэй* букв. последний верблюд уважаем – об опаздавшем, привлекающем к себе внимание всех; *тэмээнэй тархи дээрэ эбэрэй ургатар* букв. пока не вырастут рога на голове верблюда ≈ когда рак на горе свистнет, т.е. никогда; *тэмээн томодоо найдаа* букв. верблюд понадеялся на свой большой размер – считать главным достоинством физические данные, но быть побежденным интеллектом других и т.д. Образы животных, бытующие в восточном ареале культуры, отличны от содержания тех же денотатов в языках Европы. Например, образ обезьяны воплощает в себе некрасивость с точки зрения носителя русского и французского языков, а в бурятском языке это воплощение непоседливости, лукавства, ума и т.д. Змея в одних языках - эталон мудрости или женского изящества, а в монгольских языках *могой* эталон коварства (*могойн эрэн газаагаа, хүнэй эрэн зосоогоо* букв. пестрота змеи снаружи, человека - внутри; *модон хүлтэй, могой һаналтай* букв. с деревянной ногой, со змеиными помыслами; *хүнэй гараар могой барюулха* букв. чужими руками змею хватать ≈ чужими руками жар загребать и т.д.). Эти зоонимические метафоры представляют собой образы-эталоны в обиходной языковой картине мира. Они основаны на характерологической подмене свойства человека представителем животного мира, имя которого становится знаком некоторого свойства, доминирующего в данном животном, с точки зрения обиходного опыта народа. Поэтому об инвентаре «животных» метафор говорится как об эталонах культуры, презентующих заданное в языке мировидение. В роли эталонов могут выступать не только животные, но и другие явления природы, а также явления и

³) <http://www.krugosvet.ru/node/34030>

ситуации повседневной жизни, как, например, *түгсүүл* пень - эталон бедности, *шатажа байһан шүрбээн шэнги* как горящее сухожилие – эталон взрывного темперамента, *гахайн байра* свинарник - неуютного, грязного жилья. Все, что окружает человека в мире как часть его повседневной жизни, соотносится им с позиций антропоцентризма с его внутренним миром и условиями существования. Эти реалии наделяются смыслом в системе ценностных ориентаций лингвокультурной общности как символы, эталоны, стереотипы, а их языковые имена становятся знаками, кодирующими данные представления в языковой картине мира. Чаще всего метафора выполняет свою роль языкового образа в составе ФЕ при опоре на семантически ведущий компонент. Так, *хумхиин тооһон*, *хюмһанай харын шэнээн* имеют в качестве доминантного смысла, соответственно, 'квант' и 'малая часть'; *абьяас бэлигын архаар урдажа ошоно* 'талант уходит с вином' - смысл 'деградирует'. Воспроизведение одних и тех смысловых параметров (при различии способов их выражения) метафорами, выступающими в роли связанных компонентов устойчивых словосочетаний, делает данный класс ФЕ структурно-семантически регулярным. Но семантика ФЕ, в которых в качестве семантически ведущего слова выступают непредметные имена, т.е. наименования внутреннего мира человека - его психологических, интеллектуальных и моральных качеств, эмоций, обозначения его отношений с людьми, а также морально-этических и социальных понятий, создается не признаками денотата, так как они не имеют во внеязыковой действительности соответствующих им предметных референтов-денотатов, но образуется когнитивно и культурно значимыми интерпретациями членов языкового коллектива. В значении таких субстантивов, к которым относятся, например, *амидарал* жизнь, *үхэл* смерть, *эхэ нютаг* родина, *һанаан бодол* мысль, *эрхэ сүлөө* воля, *бэлиг* талант, *уйдхар гашуудал* тоска, *зун* инстинкт, сигнификативный компонент значительно преобладает над денотативным. Фоновые знания, пресуппозиции, место и роль обозначаемого явления в системе ценностных ориентаций играют ведущую роль в формировании плана содержания этих единиц языка, которые воплощают, по Н.Д. Арутюновой, концепты культуры⁴. Типичность обиходно-бытовых ситуаций, отображенных в ФЕ, стереотипный или «эталонный» характер их образных оснований делают их знаками языка культуры: они сами обретают стереотипное, эталонное или символическое прочтение. Фразеологизм как знак вторичной семиотизации выполняет особую функцию в символизации (эталонизации, стереотипизации) мира⁵. Так, ФЕ *хамар доро* 'под носом', *гар доро* 'под рукой', *ташаан доронь* 'под боком' воплощают эмпирический эталон очень близкого пространства через указание на его "соматическую" достижимость. При этом сами субстантивы *гар* 'рука', *ташаан* 'бок', *хамар* 'нос' вне ФЕ не кодируют смысл 'очень близко'. Культурная знаковость ФЕ выявляется на достаточно больших семантических полях, таких как, например, «ум – глупость», «свойства личности», «пространство» и т.д. При этом необходимо отметить, что образы, используемые ФЕ, относящимися к одному семантическому полю, могут быть очень далеки друг от друга. Так, «глупость» обозначается через ФЕ, включающие наименования головы и ее "наполнения": *ганса ухаан* ≈ ума палата, *нойтон мунса* ≈ дубина стоеросовая, *тархи соонь хооһон* ≈ пусто в

⁴ Арутюнова Н.Д. Образ: Опыт концептуального анализа // Референция и проблемы текстообразования. - М., 1988. - С. 11-23.

⁵ Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: Когнитивные аспекты: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ин-т языкознания. РАН.-М., 1996.- 22 с.

голове, *ухаандань ухана ухөө* букв. в уме козел сдох \approx ни одной живой мысли и т.д. Таким образом, лингвокультурологический анализ ФЕ предполагает 1) толкование образного или культурно связанного компонента словосочетания; 2) выявление его связи с базовой метафорой и с другими ФЕ; 3) соотнесение сигнификата словосочетания с категориями культуры - стереотипами, эталонами, символами, мифологемами и т.д.; 4) определение роли ФЕ как культурного знака в мировосприятии лингвокультурной общности.